

ЮРЕВИЧ АНДРЕЙ ВЛАДИСЛАВОВИЧ

член-корреспондент РАН,
доктор психологических наук, заместитель директора
Учреждения Российской академии наук
Института психологии РАН, Москва, Россия;
e-mail: yurevich@psychol.ras.ru

ЦАПЕНКО ИРИНА ПАВЛОВНА

доктор экономических наук,
ведущий научный сотрудник Учреждения Российской академии наук
Института мировой экономики и международных отношений РАН
и Московского городского психолого-педагогического университета,
Москва, Россия;
e-mail: tsapenko@bk.ru

Социальные и психологические предпосылки модернизации

Приводятся различные показатели, характеризующие плачевное состояние технологической сферы в современной России. По мнению авторов, технологическая модернизация нашей страны невозможна без ее глубокой и многосторонней социальной модернизации, а та, в свою очередь, предполагает модернизацию психологическую. Акцент делается на основных составляющих инновационной психологии и, соответственно, на ключевых направлениях психологической модернизации нашего общества.

Ключевые слова: технологическая, социальная и психологическая модернизация, инновации, технологии, инновационная психология, российский менталитет.

1. Социальные факторы технологической модернизации

Трудно усомниться в том, что, как часто отмечается, «Решение проблемы инноваций, то есть внедрения научных знаний и разработок в жизнь, — важнейшая задача развития России» (Капица, 2010: 60). Вместе с тем провозглашенный в 2008 году курс на технологическую модернизацию нашей страны вызывает у специалистов серьезный скепсис, а иногда и иронию. Например: «чем глубже наша экономика погружается в кризис, тем настойчивее будут призывы к созданию продуктов с высокой добавленной стоимостью, а слова „инновация“, „модернизация“, „наукоемкие производства“, „технологический прорыв“ будут все более часто и более звонко произноситься представителями нынешней номенклатуры» (Симонян, 2010: 110). И действительно, в последние годы заметно активизировалась инновационная *риторика*, возникло немало организаций с «инновационными» названиями — Институт продвижения инноваций, Институт инноваций, инфраструктуры и инвестиций и т. п., — оперативно подстроившихся под новую конъюнктуру, зазвучали парадные призывы к инновациям в Сколково, где на создание инфраструктуры, пока не очень ясного назначения, расходуются, не без участия хорошо умеющих

это делать олигархов, большие деньги. Реальных же, а не вербальных, сдвигов в плане перехода на инновационный путь развития пока не наблюдается. Симптоматично и то, что Д. А. Медведев, провозгласивший курс на модернизацию России, со свойственным ему реализмом упомянул, что «тема провальная». Тем не менее, есть основания для оптимизма, если наша страна, небезуспешно «вытягивая» свою экономику с помощью экспорта сырья, осознает сырьевой характер своей экономики в качестве одной из главных проблем, описывая ее в медицинских терминах — «наркологической» зависимости от сырьевой «иглы» и т. п., и настойчиво ищет пути инновационного «выздоровления».

Обсуждение стратегий такого перехода ведется в основном в русле характерного для нашего социального мышления «экономического детерминизма» (Кортунов, 2009), видения в обществе только его экономики, систематической недооценки социокультурного и психологического контекста инновационных процессов. Однако при этом происходит и становление альтернативного мышления, лейтмотивом которого является осознание первостепенной значимости их социальной основы, невозможности технологической модернизации в отсутствие модернизации социальной.

Подобное мышление отчетливо проявляется, например, в построении ретроутопий, то есть ретро-перспективных картин развития нашего общества, образов того, «что было бы», если бы в его переломные моменты мы избрали другие пути. Такие картины обладают большим эвристическим смыслом и актуальностью для современности — несмотря на то, что история не признает сослагательных наклонений (сама история, конечно, не признает, но размышления о ней предполагают). Одна из таких картин — главной ошибкой была приватизация сырьевых ресурсов, в отсутствие которой предприимчивые люди были бы вынуждены зарабатывать другими способами, создавая новые производства, генерируя и внедряя инновации, в результате чего нам сейчас не пришлось бы *перестраивать* свою экономику в целях придания ей инновационного характера, ибо она *уже* была бы инновационной.

Естественно, степень реалистичности подобного сценария сейчас трудно оценить, однако его слагаемые обсуждаются, причем не в качестве ретроспективных. Например, в виде частых упоминаний о том, что лидеры российского бизнеса, имеющие благодаря обладанию источниками сырья огромные и гарантированные доходы, не только не заинтересованы в переходе нашей экономики на инновационный путь развития, но и служат ему главным препятствием. Так называемые «нефтяники» (вспомним, что раньше этим словом называли *рабочих* нефтедобывающей отрасли, а теперь — ее владельцев), не только не вкладываются в инновации, но и практически не разрабатывают новых месторождений: так, из 500 млн. т нефти, добытых в нашей стране в 2009 году, на долю новых скважин приходилось лишь 7–8 млн. т. «Сырьевикам» приписывается роль не просто блокаторов инновационных процессов, но и подрубающих сук, на котором они сидят: «Если даже сырьевики полностью заблокируют инвестиции в развитие или хотя бы в поддержание технической базы в нормальном состоянии, они еще какое-то время продержатся, но потом все равно произойдет обвал, который будет еще страшнее» (Социокультурные особенности российской модернизации, 2009: 39). Часто отмечается, что «акцент на сырьевой модели развития отвлекает инвестиционные и человеческие ресурсы от решения задач модернизации российской промышленности, развития высокотехнологичных и среднетехнологичных отраслей» (там же: 155), «в условиях наличия гигантских ресурсов минерального сырья и высоких цен на него рассчитывать на

«модернизационный проект» бессмысленно» (Иноземцев, 2008: 161) и т. п. Количественные данные о том, в какой мере российский бизнес вкладывается в научные исследования и инновации, это подтверждают. Так, крупные российские корпорации в 2009 году потратили на эти цели лишь 800 млн. долл., в то время как мировой крупный бизнес — 532 млрд. долл. «Газпром», например, потратил 0,00075 % (!) своей выручки, что в абсолютном выражении составляет 605 млн. долл. Для сравнения «Тойота» — 9 млрд. долл., «Нокиа» — 8,7 млрд., «Майкрософт» — 8,1 млрд., «Дженерал моторс» — 8 млрд. (Ленчук, 2010: 89).

В то же время сводить проблему только к сопротивлению и антиинновационным интересам «сырьевиков» было бы ее сильным сужением и упрощением. По словам А. В. Рубцова, «если всерьез, то это проблема не просто сырьевой экономики. Это проблема изживания сырьевой истории, сырьевой традиции, у истоков которой стояли лен и пенька, а теперь углеводороды и металлы. Это проблема выхода из сырьевого общества, в котором в итоге сырьем оказываются буквально все. Наше самое высшее образование — это тоже сырьевая отрасль, потому что мозги уходят на экспорт, причем не за деньги, а просто так. Научное знание — тоже сырьё. У нас его тоже просто так полуфабрикатом забирают наши мировые конкуренты и реализуют не во вред себе, а мы сами со всеми открытиями практически ничего сделать не можем (если только это не оборона или отдельные экспонаты, реальный смысл которых скорее идеологический, нежели функциональный). В этой системе отношений и народ — тоже сырьё, расходный материал для войн, эпохальных строек и общенациональных экспериментов на живых людях, для предвыборных кампаний и повседневной пропаганды. Это такая цивилизация: сырьевая, перераспределительная, расходная...» (Социокультурные особенности российской модернизации, 2009: 42–43).

В инновациях, причем не только социальных, но и технологических, не заинтересована не только бизнес-элита, но и наша *политическая система*, по крайней мере, основная ее часть, образованная политиками, «имеющими интересы в сфере бизнеса» (а почти все наши политики таковы), и всевозможными чиновниками. «Откаты» сырьевого и других видов бизнеса создают им немалый и стабильный источник дохода, при существовании которого поиск инновационных моделей развития выглядит в лучшем случае как поиск добра от добра. «Этот правящий слой всей душой тянется к торговле, финансам и праву. Но тут их инновации — во вред всякому развитию», — пишет С. Г. Кара-Мурза (Кара-Мурза, 2007: 224). Символично, что помощник Президента А. Дворкович *призвал* — не очень понятно кого, но можно догадаться — в период подготовки к российскому чемпионату мира по футболу — «не брать откаты». Показательно и то, что к этому надо призывать, и то, что призыв помощника Президента ограничен определенным интервалом времени и звучит так, как будто после подготовки к чемпионату к повсеместной практике откатов снова можно будет вернуться.

При сложившейся у нас социально-экономической и политической системе инновации выглядят чужеродными, и, соответственно, переход на инновационный путь развития расценивается как нереалистичный без радикальных изменений этой системы. Как подчеркивает С. Г. Кара-Мурза, «опыт показал, что стабильного инновационного процесса как *большой системы* в условиях нынешней РФ не складывается. Значит, надо менять условия!» (Кара-Мурза, 2007: 221), «при переходе к инновационному пути развития необходимо кардинальное изменение всех сторон общественного бытия» (там же: 228). Отмечается и то, что «модернизация как процесс всегда

направлена на преодоление отставания страны от передовых для своего времени образцов государства, экономик, стандартов жизни. Поэтому она ни в коем случае не ограничивается социально-экономической сферой. В XX, а тем более — в XXI веке модернизация состоит, прежде всего, в изменении системы ценностей и институтов в обществе» (Демократия: развитие российской модели, 2008: 7). Р. Симонян пишет, что «механизм, запущенный в середине 1990-х годов породил такой комплекс общественных противоречий, такой клубок неразрешимых проблем, что в рамках порожденной им политической системы технологический прорыв нереален» (Симонян, 2010: 110-111). А В. П. Ващенко подчеркивает, что «инновации и перемены взаимообусловлены. При этом последствия перемен, особенно радикальных, в так называемой культурной сфере (социология, идеология, искусство) оказываются, как подтверждает история, более глубокими и всеобъемлющими, чем в естествознания и технике» (Ващенко, 2006: 225).

Утопичность чисто технологического пути модернизации подчеркивают многие аналитики. Например: «Для инноваций что надо делать? Надо создавать *инновационную систему*. И вот начинаются технопарки, внедренческие зоны, передачи интеллектуально продукта, венчуры и так далее, включая, конечно же, искусственные, иногда почти насильственные инвестиции и режим особо ручного управления. Это одна стратегия. Так можно генерировать инновации для их мучительного внедрения в экономику, но не экономику, генерирующую инновации» (Социокультурные особенности российской модернизации, 2009: 44). И, действительно, если инновационный процесс развернется у нас лишь в некоторых закрытых «зонах» (что, впрочем, для начала тоже не плохо), наша страна в лучшем случае осуществит *«анклавную модернизацию»* (иногда употребляется выражение «инновации за забором»), при которой «инновационные зоны», даже если они окажутся успешными, будут соседствовать с примитивным производством и сельским хозяйством, выглядеть как некие «инопланетные поселения» и резко контрастировать с их окружением, например, с характерными для нашей страны сельскими избами средневекового вида.

По мнению аналитиков, «наиболее слабой стороной российской инновационной системы является институциональная среда, в рамках которой пока не созданы эффективные механизмы взаимодействия государственного и частного бизнеса в ходе реализации инновационных проектов, не решены задачи сквозного непрерывного финансирования всех стадий инновационного цикла, не созданы предпосылки для развития венчурного бизнеса, обеспечивающего поддержку наиболее рискованных стадий инновационного процесса» (Ленчук, 2006: 159). К основным показателям состояния *инновационной среды*, создающей условия и предпосылки модернизации, принято относить такие, как экономическая свобода, уровень коррупции, бюрократические барьеры, совокупность условий для малого и среднего бизнеса, конкурентоспособность, доступность венчурного капитала, отношение общества к коммерческому успеху, степень защищенности от криминала и произвола чиновников, уровень исполнения контрактов (Симонян, 2010).

Но, естественно, одним из главных показателей качества инновационной среды служит состояние *инновационного производства*. Регулярно отмечается, что «инновационная экономика без запроса собственно производственной сферы всегда будет опасно зависеть — начиная с драмы инвестиций и кончая трагедией внедрения. Таким образом, в национальной стратегии вырисовывается еще одно важнейшее звено: пропущенная „середина“ — собственно производство, располагающееся между

сырьевым экспортом, с одной стороны, и инновациями, хайтеком, экономикой знания и т. п. — с другой» (Социокультурные особенности российской модернизации, 2009: 44). Вывод очевиден: «Значит, либо мы должны без обеда и выходных инициировать и внедрять инновации, либо изначальная проблема не в том, что у нас мало инноваций, а в том, что мы почти ничего не производим, и чем дальше, тем производим все меньше и меньше, теряем порой целые отрасли» (там же: 44).

В системе порождения и распространения инноваций принято выделять два главных вектора: «пуш» (push) — «давление» новых, генерируемых в науке технологий на рынок, и «пул» (pul) — «вытягивание» этих технологий рынком и, прежде всего, инновационным производством. Подсчитано, что на долю «пуш» приходится около 20 %, а на долю «пул» — примерно 80 % вклада в инновационный процесс. Как подчеркивает В. П. Ващенко, «инновационная идея в 80 % случаев рождается не в научной сфере, а в сфере общественного потребления (общественных потребностей). И лишь 20 % инноваций рождается в технологической сфере при условии подготовки рынка к восприятию их результатов» (Ващенко, 2006: 220).

Состояние наукоемкого производства в современной России выглядят весьма плачевно. «Отечественная промышленность утратила ныне способность развивать многие современные технологии и производства. По уровню развития высоких технологий страна «откатилась» на 10–25 лет» — пишет Е. Б. Ленчук (Ленчук, 2006: 155). Доля России в мировом производстве наукоемкой продукции составляет лишь 0,3 %, в то время как США — 39, Японии — 30, Германии — 16 % (Артамонов и др., 2010: 15).

В стоимостном выражении объем экспорта высокотехнологичной продукции из нашей страны в 2008 году составил 5,1 млрд долл., в то время как, например, из США — 231,1 млрд, Германии — 162,4 млрд, Чешской республики — 18,2 млрд (World Development Indicators, 2010). По производительности общественного труда, общей эффективности, качеству продукции, прогрессивности структуры народного хозяйства, уровню инновационного развития Россия занимает 60–80-е места среди двухсот государств мира. В 2009 году лишь 7,7 % отечественных предприятий промышленности и сферы услуг осуществляли технологические инновации (Наука России в цифрах, 2010: 178), для сравнения в 2008 году этот показатель достигал 64 % в Германии, 39 % — в Чешской республике (Eurostat Database, 2011). А в структуре затрат на технологические инновации отечественных предприятий 51 % приходится на приобретение машин и оборудования преимущественно импортного происхождения, в то время как на финансирование исследований и разработок — лишь 25 %, производственного проектирования — всего 7 % (Наука России в цифрах, 2010: 184).

При этом отмечается и отсутствие позитивной динамики: как отмечает А. Б. Гусев, «можно констатировать, что за период с 2000 по 2004 годы никаких радикальных перемен в области промышленных инноваций не было. Инновационная деятельность в промышленности находилась в абсолютном затишье, и мы вынуждены констатировать в эти годы 100 %-инновационный застой» (Гусев, 2007: 239).

Более того, слово «застой» в данном случае звучит слишком оптимистично, поскольку с 2000 по 2009 годы доля обрабатывающих производств в общем объеме инвестиций в основной капитал у нас сократилась с 16,3 % до 14,5 %, удельный вес продукции машиностроения в товарной структуре экспорте снизился еще более — с 8,8 % до 5,9 %, а топливно-энергетического сырья и прочих минеральных продуктов, напротив, возрос с 53,8 % до 67,4 % (Российский статистический ежегодник, 2010: 675, 726), то есть под бравурные разговоры о модернизации происходило усугубление сырьевого

характера экономики. Из отраслей народного хозяйства определенную модернизацию у нас прошли черная металлургия, трубная промышленность, ряд отраслей пищевой промышленности, связь, частично электротехническое машиностроение и здравоохранение. Остальные отрасли в техническом отношении являются крайне отсталыми, особенно энергетика, легкая промышленность, тяжелое машиностроение, станкостроение, нефтепереработка, железнодорожный транспорт, трубопроводные системы, ЖКХ и др. Причем трудно не заметить, что среди наиболее отсталых оказались те отрасли, где вращаются огромные деньги, которые используются на что угодно — на бонусы, особняки, яхты, покупку зарубежных спортивных клубов и т. д., но не на модернизацию.

Показательно и совершенно уникальное состояние патентной активности в нашей стране. По общему количеству отечественных патентных заявок на изобретения — 25,6 тыс. в 2009 году (Российский статистический ежегодник, 2010: 572) — Россия занимает 6-е место в мире, что служит неплохим показателем. Однако лишь 5–6 % выдаваемых в стране патентов становятся объектами лицензионных договоров и договоров об уступке прав (UNESCO Science Report 2010: 222), остальные же патенты либо воруются (как выразился один наш изобретатель: «запатентовал — считай, что украли»), либо, как и в советские времена, используются для оклеивания стен. Трудно, точнее невозможно, найти другую страну, которая так расточительно и бездарно относилась бы к своим изобретателям, одновременно призывая их к наращиванию изобретательской активности.

Изучение основных препятствий инновационной деятельности предприятий российской промышленности, продемонстрировало существенную роль таких факторов, как низкий инновационный потенциал организации, недостаток квалифицированного персонала, отсутствие информации о новых технологиях и рынках сбыта, невосприимчивость организации к нововведениям, недостаток возможностей для кооперирования с другими структурами, предприятиями и научными организациями, дефицит законодательных и нормативно-правовых документов, регулирующих и стимулирующих инновационную деятельность, неразвитость инновационной инфраструктуры и др. (Гусев, 2007).

Социальные факторы дают о себе знать и на уровне таких слагаемых инновационной системы, как центры трансфера технологий (их в нашей стране 66), технопарки (84), инновационно-технологические центры (174) и инкубаторы бизнеса (81) (UNESCO Science Report 2010: 229). Например, обследования отечественных научных парков высветили такие проблемы, как непростые отношения работающих там с сотрудниками научно-образовательных учреждений, на базе которых они созданы, «утечка умов» из университетов в парки, конфликты, возникающие вследствие дифференциации, иногда значительной, заработной платы и т. п. (Юревич, Цапенко, 2001; Черевикина, 2007).

Среди социальных факторов, порождающих препятствия созданию инновационной среды, следует отметить и ярко выраженный *антиисциентистский настрой* многих представителей нашей власти, благополучно сосуществующий с модернизационными призывами первых лиц государства. Он проявляется в постоянных нападках на РАН, поддержке липовых ученых и их псевдоизобретений, неспособности отличить настоящую науку от ненастоящей, опоре при принятии ответственных решений на весьма сомнительные в научном отношении «независимые» исследовательские центры, институты и фонды, широком использовании услуг всевозможных эзотериков и т. п.

А. Н. Авдулов и А. М. Кулькин так характеризуют инновационную атмосферу, характерную для западных стран: «В обществе, в довольно широких слоях его, причастных к науке, производству и сервису, в аппарате управления формируется определенный настрой на новаторские подходы, на стремление к преобразованию, улучшению условий труда и жизни, формируется оптимистический взгляд на будущее, своего рода социальный оптимизм» (Авдулов, Кулькин, 1992: 156). Эта атмосфера проявляется в количественном соотношении инновационных идей и их распространителей. Огрубленные подсчеты показывают, что и в западных странах, и в тех государствах, которые принято относить к категории «восточных тигров», на одну инновационную идею, генерируемую в науке, приходится около 10 так называемых «толкачей» — бизнесменов, которые ее коммерциализируют и выводят на рынок, в то время как в нашей стране соотношение в лучшем случае обратное. Как пишет В. Г. Зинов, «не перспективная технология привлекает инвестиции в инновационный процесс, а команда управленцев, способная вырастить успешный технологический бизнес» (Зинов, 2006: 209). По его оценкам, неудовлетворенный спрос на специалистов по управлению в сфере инновационной деятельности в настоящее время составляет в России порядка 60 тыс. человек (там же).

В зарубежных странах в роли инноваторов часто выступают и *потребители* новых товаров и услуг, поведение которых тоже имеет существенную инновационную составляющую (Шмигин, 2009). На фоне негативного отношения к потреблению, к «обществу потребителей» и т. п., сложившемуся в нашей культуре, обращают на себя внимание такие категории, как «креативное потребление», «уличные инноваторы» и т. д. (там же), иллюстрирующие, как инновационная среда *объединяет* производителей и потребителей. Звучат и такие утверждения, как «полезность товара... является производной креативности потребителя» (Шмигин, 2009: 211), напоминающие мысль герменевтиков о том, что смысл текста совместно порождается его автором и читателем. Общепризнано, что новые товары приобретают не только собственно материальную, но и символическую функцию¹, а потребители используют потребление не только ради удовлетворения материальных и статусных потребностей, но и для сохранения социальных, эмоциональных и других взаимоотношений в обществе (Schaefer, 2001). Существенно и то, что креативный потребитель во многих случаях превращается в производителя, по крайней мере, новых идей, как в случае с финскими школьниками, которые, адаптируя мобильный телефон к своим нуждам, изобрели... технику СМС. Причем это изобретение было связано с тем далеко не техническим обстоятельством, что финские школьники стеснялись лично приглашать девушек на свидания, а школьницы — рассказывать друг другу о том, что на этих свиданиях произошло (Шмигин, 2009).

В общем, имеется много свидетельств тому, что в развитых странах существует *тотальная инновационная среда*, охватывающая различных субъектов инновационного процесса, который затрагивает все общество, а не осуществляется в отсеченных от него заборами инновационных «зонах».

¹ Такие исследователи распространения инноваций, как, например, Т. Эдвардс, считают, что вообще большинство товаров изначально производят, продают и потребляют скорее из-за их символической, а не функциональной ценности, а мотивом продажи и покупки товаров служит желание перепозиционировать уже существующие и идеально функционирующие товары (Edwards, 2000).

2. Психологические основы модернизации

Социальные факторы модернизации, как правило, имеют ярко выраженный психологический контекст — в виде соответствующих ценностей, установок, стилей мышления и т. д. Например, рассматривая такой важнейший фактор модернизации западного общества, как формирование науки Нового времени, Р. Мертон акцентировал «психологическое давление в направлении определенных образцов мышления и поведения» (Merton, 1957: 579). А Б. Барбер подчеркивал, что «рациональность в противовес традиционализму, активность в этом мире, противостоявшая ориентации на потустороннюю жизнь, либерализм в противоположность авторитаризму, активное воздействие на мир, а не пассивное приспособление к нему, равенство, противопоставленное неравенству, — все эти ценности составили основу развития науки» (Barber, 1979: 97).

Тем не менее психологические факторы модернизации редко выделяются в качестве имеющих самостоятельное значение, а когда они рассматриваются в связи с перспективами модернизации России, им, как правило, отводится негативная роль. Например, российский менталитет трактуется как «неинновационный», его особенности — как препятствующие инновациям, россиянам приписывается такое свойство, как «нетехнологичность» (Социокультурные особенности российской модернизации, 2009). Она же — «нетехнологичность» — иногда трактуется как одно из главных отличий восточной культуры от западной, несмотря на впечатляющие технологические успехи «восточных тигров» в последние десятилетия.

Возможно, подобные констатации «нетехнологичности» российского менталитета, его консервативности и сопротивления инновациям — как технологическим, так и социальным, не лишены оснований. Но и опровергающие их аргументы достаточно очевидны. Во-первых, наша историческая тенденция к революциям, «перестройкам» и другим крутым изменениям социальной системы, свидетельствующая, наоборот, о патологической склонности к некоторым видам социальных инноваций («разрушим до основания, а затем ...»). Во-вторых, «технологический шок», в который наша страна в 50-е годы прошлого века повергла весь мир, запустив первый искусственный спутник Земли, а затем — первого космонавта, что едва ли можно выдать за некую аномалию, исключение, не опровергающее общее правило — нашу «нетехнологичность», равно как и только за продукт «мобилизационного сценария» развития. В-третьих, впечатляющее количество эмигрантов из бывшего СССР, нашедших себя на Западе именно в сфере высоких технологий, скажем, 3000 наших бывших сограждан, работающих в Силиконовой долине. Эти и другие подобные примеры, такие как любовь нашей детворы к всевозможным гаджетам, а молодежи — к автомобилям, победы российских школьников на международных олимпиадах по программированию, обилие Кулибиных в нашей стране, делают утверждения о «неинновационности» и «нетехнологичности» российского менталитета весьма странными, подобными заявлению о том, что общепризнанная консервативность англичан препятствует превращению их страны в мировую технологическую державу, которой, как хорошо известно, она была и остается в течение нескольких столетий.

Иногда, впрочем, отмечают, что к социальным инновациям мы расположены больше, чем к технологическим, против чего, впрочем, тоже можно найти аргументы. Однако показательна и наша отмеченная выше склонность к революциям и реформам, и то, что традиционный российский вопрос «Что делать?» мы обычно

локализуем именно в социальной плоскости, а отвечать на него готов практически каждый — вне зависимости от уровня образования, интеллекта и компетентности. Показательно и то, что так называемая «независимая наука», стремительно разрастающаяся в нашей стране с начала 1990-х годов на фоне сокращения науки официальной, представлена более чем 300 политологическими центрами, примерно 200 экономическими, 100 социологическими и т. п., в то время как в области естественных и технических наук независимые исследовательские центры почти не возникают. Эта тенденция находит отражение и в сфере образования: в 2009 году среди выпускников российских вузов только 4,5 % имели дипломы специалистов в области естественных наук, 16,9 % — инженерных, 2,8 % — медицинских, 3,1 % — сельскохозяйственных, остальные получили гуманитарное образование, причем большая часть — 33,8 % — в сфере экономики и управления (рассчитано по: Российский статистический ежегодник, 2010: 260). Еще больше она была выражена в политике частных вузов, 57,3 % выпускников которых получили образование в сфере экономики и управления, 35,4 % — в области гуманитарных наук, а на все остальные специализации вместе взятые приходилось менее 8 % (рассчитано по: Российский статистический ежегодник, 2010: 260)².

Говоря же о так называемом «русском менталитете» и его склонности или отсутствии склонности к инновациям³, нужно различать весьма неопределенный и внутренне противоречивый набор индивидуально-психологических качеств, именуемый не менее неопределенным понятием «русский менталитет», и *социально-психологическую атмосферу в обществе*, отчасти выражающую этот менталитет, но вместе с тем складывающуюся под влиянием большого количества других психологических, а также социальных, политических, экономических и прочих факторов. Социально-психологическая атмосфера в современном российском обществе обычно характеризуется таким образом: «Идеология обогащения любой ценой, запущенная в массовое сознание в начале 90-х годов, привела к резкому изменению общественных приоритетов. Реформаторы исказили базовую ценностную модель россиян. Криминализация общества привела к снижению статуса умственной деятельности, ценность знания уступила место ценности социальной агрессии, неразборчивости в средствах достижения цели и грубой физической силы. За реформенные годы из общественной психологии и, прежде всего, молодежной среды, в значительной мере выхолены созидательные ориентации и установки» (Симонян, 2010: 99–100).

² Нечто подобное наблюдалось в 70–80-х годах прошлого века в США, а также в других западных странах, в результате чего группа американских экспертов направила в администрацию президента доклад о состоянии образования в стране, в котором доказывала, что смещение в образовательных программах приоритетов в направлении юриспруденции, менеджмента и финансов в ущерб математике и естественным наукам может нанести конкурентоспособности США непоправимый урон.

³ Вообще о «врожденной инновационности» как характеристике некоторых культур и народов говорят довольно часто, а об ее отсутствии — практически никогда, возможно из соображений политкорректности, при этом такая черта, как консервативность, приписывается многим народам, весьма склонным к инновациям, например, англичанам или японцам (Шмигин, 2009). А, например, предметом озабоченности католических организаций традиционно служил тот факт, что католики совершают меньше научных открытий и изобретений, чем протестанты, тем самым проявляя более низкую «инновационность» (Eiduson, 1962).

При этом социологические исследования фиксируют полное неверие основной части населения в *возможность на что-либо повлиять*, апатию и пассивность как одну из главных характеристик нашей массовой психологии. Так, например, по данным опроса «Левада-Центра, проведенного в 2010 году, 84 % наших сограждан убеждены, что никак не влияют на политику (Пресс-выпуск Левада-центра, 25.06.2010). Поэтому среди основных направлений модернизации современного российского общества указывается и такое, как преодоление «пассивности общества, скептически воспринимающего свои способности влиять на власть напрямую или через представительные учреждения» (Демократия: развитие российской модели, 2008: 20).

Симптоматично и то, что, как многие отмечают, у нас стало появляться гораздо меньше выдающихся кинофильмов, литературных, музыкальных и других художественных произведений, нежели в советские времена, и даже культовые советские режиссеры сейчас снимают весьма посредственные фильмы. В общем, наблюдаются основные признаки снижения *творческого потенциала нации*, точнее, уровня его проявлений. Одновременно наблюдаются признаки перехода творческой энергии нашего народа в негативные формы, такие как различные виды мошенничества, о чем свидетельствует впечатляющая и ежегодно возрастающая на 8,5 % статистика соответствующих преступлений (Стрижов, 2009).

Довольно часто констатируется и такая характеристика социально-психологической атмосферы современного российского общества, как ее ярко выраженный *антиинтеллектуализм*, резко контрастирующий с характерными для советских времен желанием большей части родителей видеть своих детей учеными и космонавтами (что демонстрировали опросы того времени), высоким статусом интеллектуальных профессий вне зависимости от их материального вознаграждения, настоящим культом таких мыслителей, как М. К. Мамардашвили, лекции которого собирали аудиторию, сопоставимую по численности с аудиторией нынешних рок-звезд, и т. п. В нынешнем российском обществе наблюдаются прямо противоположные тенденции, плохо совместимые с приданием инновационной деятельности, имеющей ярко выраженную интеллектуальную составляющую, массового и приоритетного характера. Показательно, что отказ Г. Перельмана получить денежную премию за доказательство теоремы Пуанкаре вызвал весьма агрессивную реакцию основной части наших сограждан, о чем свидетельствовали многочисленные телевизионные дебаты: их участники проявили полное непонимание самой возможности существования личностей, для которых приоритет имеют интеллектуальные, а не денежные стимулы. «Цели собственного интеллектуального совершенствования вообще не присутствуют в первой десятке основных жизненных ценностей молодых россиян», — констатирует В. Иноземцев (Иноземцев, 2008: 159). Деинтеллектуализация выражается и в том, каких личностей сейчас наиболее часто показывают по телевидению в качестве главных «героев нашего времени».

К этому следует добавить идиосинкразию основной части населения к производственной деятельности, существующий с конца 1980-х годов культ посредничества, «офисных» занятий, всевозможных форм экономического паразитизма, часто отмечаемую «воровскую психологию» значительной части российского бизнеса и т. п. Его органично дополняет *деструктивное состояние* общественной психологии, проявляющееся в огромном количестве убийств, самоубийств, ДТП и т. п. (табл. 1), удручающая статистика которых свидетельствует о патологической тенденции нашего общества к саморазрушению.

Таблица 1. Некоторые показатели состояния современного российского общества, 2009 год

Наименование показателя	Значение показателя	Место России по данному показателю
Смертность от убийств на 100 000 жителей	15,1	1-е место в Европе и СНГ
Смертность от самоубийств на 100 000 жителей	26,5	2-е место в Европе и СНГ после Литвы
Смертность от случайных отравлений алкоголем на 100 000 жителей	15	1-е место в Европе и СНГ
Смертность от дорожно-транспортных происшествий на 100 000 жителей	14,5	2-е место в Европе и СНГ после Литвы
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (число лет)	68,67	Предпоследнее место в Европе (перед Украиной)
Естественный прирост населения на 1000 жителей	-1,8	9-е место с конца в Европе
Число детей, оставшихся без попечительства родителей на 100 000 жителей	80,8	3-е место в Восточной Европе и СНГ после Эстонии и Латвии
Количество разводов на 1000 жителей	4,9	1-е место в Европе
Число аборт на 1000 женщин (в возрасте 15–49 лет)	34,2	1-е место в Восточной Европе и СНГ
Доля детей, родившихся у женщин, не состоявших в браке (%)	26,1	13-е место в Восточной Европе и СНГ
Индекс Джини (индекс концентрации доходов)	0,422	1-е место в Европе
Индекс коррупции 2010 (от 0 до 10 баллов, чем выше балл, тем ниже уровень коррумпированности)	2,1	154 позиция в мире (наряду с Кенией, Лаосом, Таджикистаном и Камбоджей) из 178 возможных

Источники: (Российский статистический ежегодник, 2010; Демографический ежегодник России, 2010; European Mortality Database, 2011; TransMONEE Database, 2010; Eurostat Database, 2011; Transparency International <http://www.transparency.org/>, 2010).

В то же время социально-психологические исследования факторов, способствующих творческой деятельности, демонстрируют важнейшее значение таких характеристик социальной среды, как *спокойствие и безопасность*, позволяющие инноваторам сосредоточиться на творчестве, не думая о внешних угрозах (The nature of creativity, 1988). Общественно-политическое «спокойствие» и отсутствие характерных для нашего общества «социальных страхов» регулярно упоминаются в качестве условий творческой атмосферы в обществе. Например: «Индустриализация, широкомасштабная научно-техническая деятельность и новаторство возможны лишь на фоне общего улучшения жизни населения и оптимистических ожиданий при отсутствии „социальных страхов“» (Кара-Мурза, 2007: 221). В какой мере это возможно в стране, занимающей одно из первых мест в мире по количеству убийств, других тяжких преступлений, ДТП и т. п., где, по данным опросов, каждый второй не чувствует себя в безопасности, вопрос, естественно, риторический.

Симптоматичные результаты дало проведенное авторами исследование связи нравственного состояния общества, количественно оцененного с помощью соответствующего индекса, с рядом показателей инновационной активности (табл. 2).

Таблица 2. Связь нравственного состояния российского общества с показателями инновационной активности

Показатели инновационной активности	Коэффициент корреляции Пирсона
Число патентов на 1 млн. жителей	0,539
Доля инновационной продукции в общем объеме продукции	0,888
Число использованных передовых технологий на 1 млн. жителей	0,938
Число созданных передовых технологий на 1 млн. жителей	0,574

Источник: Расчеты авторов.

Как видно из таблицы, нравственное состояние общества, которое отечественные реформаторы относят к «так называемой социалке» (символично уничижительное звучание этого выражения), рассматривают как мало существенное и не оказывающее влияния на экономические процессы, в действительности обнаруживает тесную связь с основными индикаторами инновационной активности.

Не отвлекаясь на обсуждение конкретных механизмов этой, вроде бы парадоксальной, связи, подчеркнем лишь, что один из подобных механизмов проявляется в такой характеристике современного российского общества как ... повсеместные мат и блатной жаргон. Соответствующая лексика нашего молодого поколения сильно обедняет его речь, что ведет к задержке речевого развития, а это, в свою очередь, сказывается на уровне развития интеллекта, который имеет прямое отношение к инновациям. Данный эффект усугубляется тем, что подрастающее поколение мало читает, а если и читает, то в основном такие романы, как «Будни рэкетиров» (Аргументы и факты, 2009: 8), вообще же, по данным опросов, никогда не читают книг или читают их очень редко 35 % наших сограждан (в 1996 году таковых было 20 %). В результате альтернатива «повсеместный мат или инновационная культура» не выглядит надуманной. Да и вообще трудно представить себе инновационный прорыв в стране, значительная часть населения которой повсеместно матерится, плюется, бросает окурки, находится в нетрезвом виде даже за рулем и т. п.

Связь инновационной среды с нравственным состоянием общества подтверждает пример многих стран. Как отмечает В. П. Ващенко, «исключительный пример здесь демонстрирует Япония, где в качестве важнейшей составляющей общественной морали выступает всеобъемлющее движение „КАЙЦЕН“ — постоянное совершенствование во всех областях и на всех уровнях. Поучительны основные принципы этого движения „КАЙЦЕН“:

- *завтра быть лучше, чем сегодня;*
- *серьезное отношение к мелочам;*
- *устанавливать все более высокие стандарты и соблюдать их;*
- *во всех видеть своих клиентов»* (Ващенко, 2006: 223)

Различные показатели инновационной активности обнаруживают высокую корреляцию и с общим психологическим состоянием общества (табл. 3, 4).

Таблица 3. Связь макропсихологического состояния российского общества с показателями его инновационной активности

Показатели инновационной активности	Коэффициент корреляции Пирсона
Число патентов на 1 млн жителей	0,385
Доля инновационной продукции в общем объеме продукции	0,700
Число использованных передовых технологий на 1 млн жителей	0,710
Число журнальных статей (включенных в базу данных ISI) на 1 млн жителей	0,261
Доля пользователей Интернета среди взрослого населения	0,915

Источник: Расчеты авторов.

Таблица 4. Связь макропсихологического состояния и инновационности России и зарубежных стран

Индексы инновационности	Коэффициент корреляции Пирсона
Индекс инновационности Всемирного банка (рассчитывается в рамках индекса экономики знаний, отражает баланс внешней торговли технологиями, публикационную и изобретательскую активность населения)	0,430
Индекс инновационности Всемирного экономического форума (входит в состав индекса глобальной конкурентоспособности, отражает способность предприятий к созданию технологий, сотрудничество академического сектора и бизнеса в сфере НИОКР, роль инновационности продукции при осуществлении закупок для государственных нужд)	0,411

Источник: Расчеты авторов.

1. Рассматривая связь психологического состояния нашей страны и ее инновационного потенциала, следует еще раз обратиться к социально-психологическим предпосылкам формирования науки Нового времени, одной из которых, как подчеркивает М. Вебер, явилась «рационализация всей общественной жизни» (Вебер, 1990). По данным Всемирной организации здравоохранения, в современной России насчитывается около 800 тыс. гадалок, магов, астрологов, колдунов и прочих представителей эзотерических занятий, а, по подсчетам депутатов нашей Государственной Думы, финансовый оборот «мира эзотерики» составляет около 2 тыс. долл. в год, причем есть основания полагать, что эта цифра сильно занижена. Для сравнения: ученых у нас насчитывается 369 тыс., а врачей — 711 тыс. (Российский статистический ежегодник,

2010: 272, 561), то есть эзотериков в современной России почти столько же, сколько ученых и врачей вместе взятых. А проведенный в 2010 году опрос Левада-Центра показал, что к астрологам, колдунам и экстрасенсам когда-либо обращались около 20 % наших сограждан, в то время как, например, к профессиональным психологам — лишь 10 % (Пресс выпуск Левада-Центра, 25.08.2010).

Вызывает удивление и то, что, несмотря на грозные антиэзотерические заявления первых лиц нашего государства, попытки Государственной Думы и Московской Городской Думы хоть как-то урегулировать деятельность экстрасенсов, колдунов и прочей подобной публики, например ввести запрет на рекламу их услуг, воз и ныне там, и, более того, численность эзотериков стремительно возрастает⁴ (а численность ученых, напротив, сокращается). И на таком фоне провозглашается курс на построение инновационной экономики, экономики знаний и т. п. Возникает естественный вопрос: экономики *каких* знаний — эзотерических?

При этом происходит *расщепление общественного сознания*, которое некоторые психиатры уже окрестили «массовой шизофренией». Например, наших дети учат в школе, что выражение «охота на ведьм» означает преследование невинных людей по ложным обвинениям, что в Средневековье на кострах по обвинению в колдовстве сжигали невинных, поскольку колдовство невозможно. А придя домой и включив телевизор, они видят там ... колдуна.

Показательно и то, что фундаментальные мировоззренческие вопросы — о том, как устроен мир, возможны ли колдовство, экстрасенсорное восприятие и т. п., сейчас решают не ученые, а телеведущие, а также облюбованные ими эзотерики. Наука же явно отстранена от выполнения этой, одной из своих важнейших, функций, а бесплодные попытки ученых хоть как-то вмешаться в решение мировоззренческих вопросов вызывают обвинения в косности, консервативности, защите своих клановых интересов, а то и вообще в коррупции. А высокопоставленные представители власти делают такие заявления: «Я знаю, что в Академии наук есть даже отдел по лженауке. Меня этот факт очень удивляет: как они могут брать на себя ответственность и говорить, что является наукой, а что — нет. Это мракобесие какое-то!» (Цит. по: Кругляков, 2010: 3–4). Слово «мракобесие» и в самом деле очень уместно для описания данной ситуации, но в смысле, противоположном тому, в каком его употребил политик.

А вот что патентуется в современной России: «Симптоматическое лечение заболеваний с помощью осинового палочки в момент новолуния для восстановления целостности энергетической оболочки организма человека» (патент 2083239), («А почему не осинового кола?» — резонно вопрошают описывающие подобные патенты Ю. Н. Ефремов и Р. Ф. Полищук) (Ефремов, Полищук, 2006: 108), «Устройство для энергетических воздействий с помощью фигур на плоскости, генерирующих торсионные поля» (патент 2139107), «Преобразование геопатогенных зон в благоприятные на огромных территориях путем использования минералов положительного

⁴ Конечно, можно предположить, что наши политики лишь имитируют противодействие эзотерикам, а в действительности этого не делают, поскольку легковерным людям, которые верят во всевозможную кабалистику, можно внушить все, что угодно, и ими легче управлять, нежели теми, кто, в духе известного кредо Р. Декарта, «подвергает все сомнению». Трудно не заметить и то, что многие отечественные политики, бизнесмены и колдуны имеют между собой много общего. В результате, по словам Э. П. Круглякова, «Петрики сохранились в изобилии, и печально, что они чувствуют себя в высших эшелонах власти как дома» (Кругляков. 2010: 19).

поля» (патент 2139107), «Установление факта смерти пропавшего без вести человека по ранее принадлежавшей ему вещи» (патент 2157091).

2. Симптоматично и то, что, как показал проведенный в 2011 году опрос ВЦИОМ, 32 % наших сограждан считают, что Солнце вращается вокруг Земли, а 29 % — что первые люди жили в ту же эпоху, что и динозавры (Пресс-выпуск ВЦИОМ, 08.02.2011). И даже среди студентов, составляющих отнюдь не самый малограмотный слой населения, примерно треть не знают, почему Луна движется вокруг Земли, не падая и не улетающая прочь, около 20 % уверены, что люди уже побывали на Марсе, Венере и даже Нептуне, некоторые полагают, что размеры Солнца составляют 300 км, а Луны — всего 1 км и т. п. (Язев, Комарова, 2009). Авторы данного исследования утверждают, что по уровню массовых астрономических знаний наша страна (запустившая первого в мире космонавта!) сейчас находится между XVII и XIX веками, а в ближайшие годы, в результате отмены в наших школах в 2008 году астрономии как учебного предмета, якобы «бесполезного для жизни», нам грозит регрессия к уровню V–X веков (там же). Возможно, это преувеличение, но в условиях вживленности в сознание значительной части наших сограждан геоцентрической модели Вселенной на технологическую модернизацию трудно рассчитывать.

Перефразируя приведенное выше выражение М. Вебера, есть основания утверждать, что Россия сейчас переживает «иррационализацию всей общественной жизни», и это создает в нашем обществе социально-психологическую атмосферу, препятствующую распространению инноваций. Данная ситуация, естественно, не исключает, а лишь усугубляет роль таких факторов, как постоянно констатируемые низкий престиж научного труда, крайне неудовлетворительная правовая защищенность интеллектуальной собственности, отсутствие эффективных механизмов стимуляции инноваций и т. д.

Одно из наиболее психологизированных пониманий рационализма состоит в его трактовке как подчинения разуму стихии эмоций (Вебер, 1990; и др.). Культ развлечений, острых ощущений, всевозможного «экстрима», царящий в современной России, по существу, выражает обратное — *подчинение разума стихии чувств*. Аналогичный смысл имеет и культ эзотерики. Так, известный канадский физик К. Саган объяснял большую популярность астрологии, учения об аурах, парапсихологии и т. п. активностью наиболее примитивных — лимбических — структур мозга, находящей выражение в «стремлении заменить эксперименты желаниями» (Sagan, 1977: 248). А психологические исследования демонстрируют, что потребность в острых ощущениях, равно как и вера в чудеса обнаруживают обратную корреляцию с уровнем интеллекта. Соответственно, настроения, которые распространены в современном российском обществе, в значительной мере способствуют не только иррационализации массового сознания, но и массовой деинтеллектуализации (вплоть до дебилизации) и снижению интеллекта наших сограждан.

В результате технологическая модернизация нашего общества представляется утопичной в отсутствие его не только масштабной социальной, но и многосторонней психологической модернизации, включающей «нравственную революцию» (Семенов, 2008), возрождение рационалистической психологии и многое другое. В отсутствие же социальной и психологической модернизации технологические инновации обречены в лучшем случае носить характер «анклавной модернизации» — «модернизациями за заборами» — Сколковскими, Кремлевскими, Рублевскими или какими-либо еще, не оказывая сколь-либо существенного влияния на остальную Россию.

Литература

- Barber B.* The sociology of science // International encyclopedia of the social science. Vol. 14. N. Y., 1979.
- Edwards T.* Contradictions of consumption: Concepts, practices and politics in consumer society. Buckingham: Open University press, 2000.
- Eiduson T.* Scientists, their psychological world. N. Y., 1962.
- European Mortality Database. 2011. URL: <http://data.euro.who.int/hfamdb/>
- Eurostat Database. 2011. URL: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/statistics/search_database
- Merton R. K.* Social theory and social structure. Toronto, 1957.
- Sagan K.* The Dragons of Eden. N. Y., 1977.
- Schaefer A., Crane A.* Rethinking green consumption // D. R. Rahtz and P. McDonagh (eds.) Globalization and equity: The proceedings of the 26 th Annual macromarketing conference. Williamsburg, VA: The College of William and Mary, 2001. P. 178–195.
- The nature of creativity: Contemporary psychological perspectives. Cambridge, 1988.
- TransMONEE Database. 2010. URL: <http://www.transmonee.org>
- Transparency International's Corruption Perceptions Index 2010.
- UNESCO Science Report 2010. The current status of science around the world. Paris: UNESCO Publ., 2010.
- URL: <http://data.worldbank.org/indicator>
- URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=111345>
- URL: http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2010/in_detail#3
- World Development Indicators 2010. Wash. : World Bank, 2010.
- Авдулов А. Н., Кулькин А. М.* Научные и технологические парки, технополисы и регионы науки. М. : ИНИОН РАН, 1992.
- Аргументы и факты. 2009. № 1–2.
- Аргументы и факты. 2009. № 37.
- Артамонов Г. В., Кольцов А. В., Косарев В. И., Наумов Е. А., Остапюк С. Ф.* Институциональные проблемы технологической модернизации российской экономики // Информационно-аналитический бюллетень ЦИСН. 2010. № 6. С. 3–45. URL: http://www.csr.ru/inform/IAB/infb_2010.pdf
- Ващенко В. П.* Инновационная политика и проблемы развития национальной инновационной сферы // Наука. Инновации. Образование. М. : Парад, 2006. Вып. 1. С. 219–226.
- Вебер М.* Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990.
- Гусев А. Б.* Оценка факторов, препятствующих инновационному развитию России // Наука. Инновации. Образование. М. : Языки славянской культуры, 2007. Вып. 2. С. 233–239.
- Демографический ежегодник России. 2010. М. : Росстат, 2010.
- Демократия: развитие российской модели. М. : «Экон-Информ», 2008.
- Ефремов Ю. Н., Полищук Р. Ф.* Государство и лженаука // В защиту науки. Бюллетень. Вып. 1. М., 2006. С. 105–110.
- Зинов В. Г.* Система кадрового обеспечения инновационной деятельности // Наука. Инновации. Образование. М. : Парад, 2006. Вып. 1. С. 208–218.
- Иноземцев В.* О невозможности модернизации России // Российская модернизация: размышляя о самобытности: сб. ст. М., 2008.
- Капица С. П.* Науке мешают откаты // В защиту науки. Бюллетень. Вып. 7. М., 2010. С. 60–64.
- Кара-Мурза С. Г.* Императив перехода к инновационному развитию России: состояние на страте // Наука. Инновации. Образование. М. : Языки славянской культуры, 2007. Вып. 2. С. 214–232.
- Кортунов С. В.* Национальная идентичность: постижение смысла. М. : Аспект-Пресс, 2009.

Кругляков Э. П. Мракобесие и инновации. Взгляд под другим углом // В защиту науки. Бюллетень. Вып. 7. М., 2010. С. 3–19.

Ленчук Е. Б. Как ускорить процесс перевода российской экономики на рельсы инновационного развития // Наука. Инновации. Образование. М. : Языки славянской культуры, 2010. Вып. 9. С. 82–92.

Ленчук Е. Б. Проблемы перехода России к инновационной модели развития // Наука. Инновации. Образование. М. : Парад, 2006. Вып. 1. С. 154–168.

Наука России в цифрах: 2010. М. : ЦИСН, 2010.

Пресс-выпуск Левада-Центра. 25.08.2010. URL: <http://www.levada.ru/press/2010082501.html>

Пресс-выпуск ВЦИОМ. 08.02.2011. №1684.

Пресс-выпуск Левада-центра. 25.06.2010. URL: <http://www.levada.ru/press/2010062501.html>.

Российский статистический ежегодник. 2010. М. : Росстат, 2010.

Семенов В. Е. Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох. СПб., 2008.

Симолян Р. О некоторых социокультурных итогах российских экономических реформ 90-х годов // Мир перемен. 2010. № 3. С. 98–113.

Социокультурные особенности российской модернизации. Дискуссия. М. : Экон-Информ, 2009.

Стрижов Е. Ю. Нравственно-правовая надежность личности: Социально-психологические аспекты. Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009.

Черевикина М. Ю. Инновационная система СО РАН: от плановой модели к рыночным отношениям // Наука. Инновации. Образование. М. : Языки славянской культуры, 2007. Вып. 2. С. 240–280.

Шмигин И. Философия потребления: потребитель, производство и маркетинг. Харьков : Гуманитарный центр, 2009.

Юревич А. В. Цапенко И. П. Нужны ли России ученые? М. : URSS, 2001.

Язев С. А., Комарова Е. С. Уровень астрономических знаний в обществе // В защиту науки. Бюллетень. М. : Наука, 2009. № 6. С. 119–132.

Social and Psychological Preconditions for Modernization

ANDREY V. YUREVICH,

professor Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow
deputy director, RAS corresponding member
e-mail: yurevich@psychol.ras.ru

IRINA P. TSAPENKO

PhD in Economics
Institute of Economics and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow
e-mail: tsapenko@bk.ru

The authors give different indicators of deplorable state of affairs in the sphere of technology in Russia nowadays. Technological modernization of the country is impossible without profound and diversified social modernization presupposing in its turn psychological modernization. An emphasis is made on main components of innovative psychology and key areas of psychological modernization of our society.

Keywords: technological, social and psychological modernization, innovations, technologies, innovative psychology, Russian mentality.